

ВСПОМИНАЯ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Вспоминать о войне тяжело, но надо, необходимо. И каждый, я думаю, фронтовик, который прошел эту мясорубку, стремится о ней не вспоминать, так как малейшее воспоминание о Великой Отечественной войне выводит его из нормального душевного состояния. Как правило, фронтовики никогда первыми не заводят разговор о войне.

Прошло 45 лет с тех пор, но события того сурового времени остались в памяти навечно. Сразу после войны мне снились кошмарные сны, иногда во сне кричал: «Вперед, в атаку!». И когда меня будили, я был весь в поту. Да что во сне, бывало такое и на работе. В конце 40-х годов я работал литработником и диктором местного радиовещания при редакции газеты «За большевистские темпы». Бывало, сидишь за столом, пишешь содержание передачи — вдруг телефонный звонок, и по тебе бьет, как электрическим током. Это срабатывал инстинкт воен-

ного времени, так как каждый звонок на КП роты — это вызов к комбату, это наступление, это атаки, новые жертвы.

Я курящий, но портсигара не имею, потому что при виде его в памяти сразу возникает трагический случай прошедшей войны. Это было в Австрии, недалеко от Вены. Я вызвал на КП роты своих командиров взводов, чтобы поставить задачу на очередное наступление по захвату деревни. Получив задачу, мы все закурили. Взяв папиросу, командир взвода Толя Голованов протянул мне свой портсигар. Он знал о том, что этот его портсигар нравился мне. Он сказал: «Бери, меня все равно сегодня убьют». Я портсигар не брал и стал его уговаривать, чтобы он перестал думать об этом. Однако предчувствие его оправдалось. В этом бою он погиб.

Подобное предчувствие смерти я наблюдал у многих солдат. Идешь в наступление и наблюдаешь, что какой-то солдатик

двигается нерешительно, отстает от цепи взвода, на такого не кричишь, а только спросишь фамилию. После боя выясняешь и узнаешь, что он убит.

Кроме этого на войне на солдат, офицеров, я сам это чувствовал, временами нападала какая-то усталость, апатия. Медицина называет это состояние фронтовой болезнью. Особенно проявляется она после длительных и изнурительных боев. Иногда и у меня проскальзывала мысль: хоть бы руку или ногу оторвало, лишь бы отдохнуть и забыться от этого крошечного ада.

Нас, фронтовиков, война сделала жестокими к несправедливости. Меня война лишила слез, я не могу плакать, даже при похоронах родных и близких. Но у нас, фронтовиков, сохранились честность, добродетельность, мы не можем оставлять товарищей в беде. Обидно, когда сейчас, в мирное время, нас унижают в очередях магазинов, на автостанции и т. д. Это, видимо, за тот килограмм колбасы, который ветераны получают как паек. А того эти люди не подумают, в какой мясорубке мы были.

В послевоенные годы мне пришлось побывать в Ленинграде, Новгороде, Старой Руссе, Курске, — там, где люди видели войну своими глазами. Там к ветеранам войны внимание особое: очень внимательное и милосердное.

Тяжело вспоминать о войне, но вспоминать о ней надо и почаще, не только в юбилейные годы и дни, чтобы на примере ветеранов воспитывать молодое поколение. Добиваться того, чтобы молодые люди не выросли нытиками, а оптимистами, с верой в будущее, хотя сейчас мы и живем в трудное перестроечное время.

В. ГОЛУБЕВ,
майор в отставке.

♦ Ветераны войны В. В. Голубев и Ю. К. Соловьев.